мнѣніемъ обвинительной власти и въ чрезвычайно интересномъ по мотивамъ приговорѣ своемъ слѣдующимъ образомъ разрѣшаетъ возбуждаемый настоящимъ дѣломъ вопросъ.

Въ виду того, что въ Уложеніи о наказаніяхъ не существуетъ прямаго закона, опредѣляющаго наказаніе за поддѣлку знаковъ на право торговли въ разносъ, судъ призналъ необходимымъ, прежде всего, на основаніи 151 ст. Улож., опредѣлить къ какаго рода поддѣлкѣ, по важности своей и по значенію, ближе всего подходитъ поддѣлка знаковъ, пріобрѣтенныхъ Иваномъ Федоровымъ.

Относительная важность всякой поддѣлки, по мнѣнію суда, опредѣляется важностью и значеніемъ того документа или того знака, которые будутъ поддѣланы.

Жестянки, установленныя для права торговли въ разносъ, по цѣли и назначенію ихъ, имѣютъ одинаковое значеніе съ торговыми свидѣтельствами и билетами выдаваемыми на право торговли вообще, поэтому, судъ нашелъ, что для опредѣленія относительной важности поддѣлки этихъ жестянокъ слѣдуетъ лишь привести въ ясность, какое значеніе придаетъ законъ торговымъ свидѣтельствамъ и билетамъ.

Уложеніе о наказаніяхъ, за употребленіе подложныхъ торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ, подвергаетъ виновныхъ наказанію, опредѣленному за подлогъ въ актахъ, домашнимъ порядкомъ составленныхъ (1170 ст, Улож.) и, слѣдовательно, не придаетъ этимъ документамъ бо́льшаго значенія чѣмъ простому домашнему акту *). Въ виду этого, судъ нашелъ, что и поддѣлка жестянокъ на право торговли не можетъ быть признана болѣе важною, чѣмъ преступленіе, предусмотрѣнное въ 1692 ст. Уложенія, къ которому она, по значенію знака подвергшагося поддѣлкѣ, наиболѣе подходитъ. Обратившись за тѣмъ къ опредѣленію слѣдующаго, согласно приведенному нами толкованію, подсудимому Ивану Федорову наказанія, судъ призналъ, что дѣйствія его по смыслу рѣшенія присяжныхъ засѣдателей должны быть признаны лишь приготовленіемъ къ выпуску подложныхъ жестянокъ въ обращеніе, такъ какъ присяжные, признавъ, что Федоровъ пріобрѣталъ завѣдомо подложные жестянки, съ намѣреніемъ ихъ сбывать, не признали существованія такого признака, который бы указывалъ на начало приведенія этого намѣренія въ исполненіе.

Но, тѣмъ не менѣе, при этомъ приготовленіи подсудимый совершилъ такія дѣйствія, которыя сами по себѣ признаются закономъ преступными, такъ какъ самое пріобрѣтеніе завѣдомо подложныхъ жестянокъ соотвѣтствуетъ признакамъ укрывательства поддѣлки, опредѣленнымъ въ послѣдней части 14 ст. Улож., такъ, что судъ, на точномъ основаніи 113 ст., призналъ Ивана Федорова подлежащимъ наказанію собственно за это укрывательство.

Самое наказаніе выведено судомъ слѣдующимъ образомъ: «за укрывательство поддѣлки жестянокъ на право торговли, виновные, по изложеннымъ выше соображеніямъ и на основаніи 124 и 121 ст. Улож., подлежатъ наказанію двумя степенями ниже опредѣленнаго въ 1692 ст. Это наказаніе должно быть Ивану Федорову смягчено на двѣ степени по его несовершеннолѣтію (140 ст.) и еще на двѣ въ виду заявленія присяжныхъ, что онъ заслуживаетъ полнаго снисхожденія, и за тѣмъ, онъ, по смыслу 1 части 150 ст. Улож., долженъ быть приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца.

*) Ст. 1170 Улож. говоритъ: «Кто будетъ уличенъ въ производствѣ торговли или промысла по фальшивому свидѣтельству или билету, тотъ за сіе, сверхъ тройной платы за свидѣтельство или билетъ, подвергается: наказанію въ ст. 1692 сего Уложенія, за поддѣлку актовъ, опредѣленному».

СУДЕБНЫЯ ЗАСѢДАНІЯ.

С.-петербургскаго окружнаго сдуа въ г. Кронштадѣ.

(Убійство англійскаго капитана Баркера; убійство кр. Мурса).

Въ настоящее время, какъ уже извѣстно читателямъ «Судебнаго Вѣстника», временные выѣзды петербургскаго окружнаго суда въ уѣзды петербургской губерніи, возложены на 3-е уголовное отдѣленіе суда. — Первый выѣздъ, послѣ открытія 3-го уголовнаго отдѣленія, былъ въ концѣ ноября, продолжался до первыхъ чиселъ декабря и выпалъ на долю Кронштадта. Пальма первенства была дана Кронштадту по наибольшему числу накопившихся дѣлъ въ петергофскомъ, сравнителоно съ другими уѣздами. Всѣхъ петергофскихъ дѣлъ было 32, изъ которыхъ 28 были назначены на разсмотрѣніе суда съ 28-го ноября по 6-е декабря,—въ день суду приходилось разсматривать, среднимъ числомъ, по 4 дѣла, изъ которыхъ только весьма не многія слушались безъ участія присяжныхъ засѣдателей.—Не смотря на очевидную трудность разсмотрѣть всѣ назначенныя къ слушанію дѣла въ семидневный срокъ, судъ отложилъ только 3 ничтожныхъ дѣла (всѣ 3 за неявкою подсудимыхъ) остальныя же 25 дѣлъ были разсмотрѣны судомъ. Настоящій выѣздъ представляетъ много интереса, какъ по самымъ разсмотрѣннымъ дѣламъ, такъ и потому, что защитниками подсудимыхъ явились не одни кандидаты на судебныя должности, но и присяжные повѣренные: гг. Арсеньевъ, Спасовичъ и Стасовъ.

Прежде, чѣмъ хотя въ кратцѣ познакомить читателей съ найболѣе интересными дѣлами разсмотрѣнными судомъ въ Кронштадтѣ, нельзя обойти молчаніемъ—то задушевное сочувствіе, какимъ пользовался судъ въ гостепріимномъ Кронштадтѣ. Кромѣ самаго серьознаго наблюденія за ходомъ разсматриваемыхъ дѣлъ, со стороны огромнаго числа публики, постоянно переполнявшей залъ засѣданія, и со стороны гг. присяжныхъ засѣдателей, обнаружившихъ въ своихъ рѣшеніяхъ необыкновенно гуманный и здравый взглядъ на вещи, нельзя было не замѣтить того разумнаго сочувствія, какимъ пользовался въ Кронштадтѣ новый судъ какъ со стороны всего общества вообще, такъ и особенно городскихъ его представителей и мѣстныхъ властей. Въ засѣданіяхъ суда, продолжавшихся каждый день съ 11 часовъ утра до поздняго вечера, а иногда и за полночь, принимали дѣятельное участіе мѣстные почетные мировые судьи: городской голова Бритневъ, капитанъ 1 ранга фонъ-Бриммеръ, гг. Степановъ, Мурашевъ. Г-нъ главный командиръ г. Кронштадта, нашъ извѣстный морякъ адмиралъ Лессовскій, оказывающій всегда радушный пріемъ суду, присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ разсматривались серьозные дѣла настоящей сессіи. Говоря о гуманной осторожности присяжныхъ засѣдателей, нельзя не упомянуть, что изъ числа 38 обвиняемыхъ, было 11 совершенно оправданныхъ, и что изъ 15 дѣлъ по обвиненію въ кражѣ со взломомъ, присяжными засѣдателями было признано только 3 взлома.

Изъ числа 25 разсмотрѣнныхъ дѣлъ, прежде всего выдаются 3 убійства (6 обвиняемыхъ, 3 женщины), далѣе, одинъ грабежъ съ кражею, 15 кражъ со взломомъ, 3 бродяги и одно поврежденіе могилы. Изъ числа всѣхъ 38 подсудимыхъ, четыре женщины. Не входя въ разсмотрѣніе кражъ, бродягъ и грабежа, по которому подсудимый былъ оправданъ, также какъ и тотъ, который обвинялся въ поврежденіи могилы, перейдемъ къ тремъ убійствамъ. — Крупнѣйшее изъ нихъ, убійство эстляндскаго урожерца крестьянина Яка Мурса, въ коемъ обвинялись жена убитаго, Марія, сынъ его Миккель, крестьянинъ Юрій Урдаль и, кромѣ того, между этими обвиняемыми была дѣвочка 13 лѣтъ, Анна, дочь убитаго, привлеченная къ суду за недонесеніе. Второе убійство, матросомъ Чиль капитана корабля Баркера, возбудившее огромный интересъ въ жителяхъ Кронштадта, во 1-хъ, потому, что это дѣло морское, близкое сердцу мѣстныхъ жителей,—сцена убійства разыгрывается на кораблѣ, и во 2-хъ, какъ убитый, такъ и самъ убійца сыны британской націи, которая найболѣе вліяетъ на взгляды, характеръ и самую жизнь кронштадскихъ приморскихъ обитателей. И, наконецъ, 3-е, дѣтоубійство, въ которомъ обвинялась крестьянка Пейра.—По послѣднимъ двумъ дѣламъ защитникомъ былъ г. Арсеньевъ, по 1-му дѣлу были защитникомъ Маріи Мурсъ — г. Спасовичъ, Миккеля и Анны Мурсъ — г. Стасовъ. Обратимся къ первому дѣлу:

Въ 60-ти верстахъ отъ г. Петергофа, въ деревнѣ Кикерино, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поселился хромой старикъ Якъ Мурса, со своею семьею, состоящею изъ жены Маріи, женщины среднихъ лѣтъ, дочери Екатерины, малолѣтней дочери Анны и пасынка Маріи, молодаго человѣка, горбуна Миккеля. Старикъ Якъ Мурса взялъ въ аренду ½ десятины земли у землевладѣльца Лиліенфельда и кое-какъ построивъ курную, плохенькую избенку, началъ обрабатывать свой ничтожный клочекъ земли. Но ничтожность вырабатываемаго пропитанія, съ одной, и многочисленность семьи, съ другой стороны, перевернули жизнь семейства Мурса. Находя свой земледѣльческій трудъ недостаточно производительнымъ и не полезнымъ, старикъ Якъ Мурса сдѣлался нищимъ и началъ жить подаяніемъ, содержа на эти скудныя средства сына Миккеля и дѣвочку Анну. Старшая дочь Екатерина нанялась въ услуженіе въ деревнѣ Извори, тогда какъ жена, Марія, поступила кухаркою въ ближайшую мызу Смольково; здѣсь она подружилась съ служащимъ на этой же мызѣ крестьяниномъ Юріемъ Урдаль и жила съ нимъ въ одной комнатѣ (слѣдствіе не представило доказательствъ существованія между ними любовной связи). Благодаря слухамъ и личному предположенію старика Яна Мурса, въ него закрадывается подозрѣніе и ревность по поводу отношеній жены его къ Урдалю. Старикъ наконецъ доходитъ до того, что беретъ жену свою домой, чтобы жить опять вмѣстѣ. Тяжелою показалась жизнь Маріи въ грязной, вросшей въ землю, избѣ, съ голодной семьей и старымъ, сварливымъ мужемъ. Начинаются семейныя ссоры и драки. Семейство раздѣлилось на два лагеря, съ одной стороны старикъ Якъ Мурса, съ другой, жена его и сынъ Миккель. Въ послѣднихъ числахъ января настоящаго года, въ семью Мурса явился Урдаль и, не смотря на запрещеніе старика, остался ночевать въ избѣ Мурса. Раздосадованный старикъ отправляется жаловаться на невѣрность жены, за побои, нанесенные ему ею и Миккелемъ, пастору мѣстнаго прихода и кистеру, которыхъ проситъ написать жалобу на Урдаля хозяину мызы Смольково, и, наконецъ, собирается ѣхать жаловаться къ мировому судьѣ, но жена и Миккель отнимаютъ у него лошадь и онъ идетъ пѣшкомъ. Чрезъ два дня послѣ этой семейной катастрофы, къ пастору является Марія Мурса и объявляетъ, что мужъ ея Якъ Мурса умеръ. Имѣя основаніе подозрѣвать насильственную смерть Яка Мурса, пасторъ заявилъ свое подозрѣніе полиціи. Не лишенъ драматическаго интереса актъ осмотра судебнаго слѣдователя: «въ закоптѣвшей, черной и морозной избѣ лежалъ трупъ Яка Мурса въ одной рубахѣ и въ женскомъ чепчикѣ, лицо его въ нѣсколькихъ мѣстахъ покрыто было ранами; по снятіи чепца оказалось, что голова старика была испещрена 11-ю разсѣченными и зіяющими ранами. По медицинскому осмотру врача, производившаго вскрытіе трупа, оказалось, что черепъ во многихъ мѣстахъ былъ расколотъ, а также раздроблены были кости лица и челюстей, и докторъ далъ заключеніе, что смерть послѣдовала отъ поврежденій темени, и причинена острымъ орудіемъ (топоромъ).

Обратимся далѣе, къ изложенію тѣхъ обстоятельствъ дѣла, которыя выяснились на судѣ. Марія Мурса, по утру послѣ убійства мужа, уѣхала въ мызу Смолоково и возвратилась оттуда съ Урдалемъ, который и поселился вмѣстѣ съ Маріей. При освидѣтельствованіи членовъ семейства Мурса и Урдаля, на груди послѣдняго и на рукахъ были найдены раны, и онъ сознался, что раны эти нанесъ онъ себѣ въ порывѣ раскаянія въ совершенномъ убійствѣ старика Мурса,—но сознаваясь самъ, Урдаль показалъ, что убилъ онъ не одинъ, а что подстрекателями на совершеніе этого преступленія были Марія и Миккель Мурса, послѣдній даже нанесъ первый ударъ старику, когда тотъ возвратился вечеромъ, въ день ссоры домой. Остальные подсудимые отвергли всякое участіе свое въ совершонномъ преступленіи. Не касаясь интересныхъ подробностей судебнаго слѣдствія по настоящему дѣлу, экспертизы и преній, скажемъ нѣсколько словъ о рѣчи г. Спасовича — защитника Маріи. Изложивъ сущность дѣла, г. Спасовичъ перешолъ къ толкованію, что такое подстрекательство; онъ указалъ, что для подстрекательства необходимо существованіе 2-хъ лицъ, изъ которыхъ одно не имѣетъ злаго помысла, а является какъ бы орудіемъ другаго лица и въ силу нравственнаго порабощенія и вліянія послѣдняго на перваго. Доказавъ фактически, что подобное вліяніе не мыслимо въ отношеніи между Маріею и Урдалемъ, защитникъ разобралъ тѣ основанія, которыя могли руководить Маріею для совершенія преступленія; всѣ онѣ глубоко проанализированныя защитникомъ, оказались не достаточно сильными для того, чтобы побудить Урдаля на преступленіе. Обращаясь затѣмъ къ самому убійству, г. Спасовичъ, очертивъ всю грубую обстановку преступленія, ясно доказывающую отсутствіе обдуманнаго плана, показалъ, что домашніе покойнаго всегда имѣли возможность совершить надъ нимъ убійство, такъ что все было бы шито и крыто. Если не было цѣли и плана преступленія, то чѣмъ объяснить его со стороны Урдаля? Тутъ защитникъ указалъ на рядъ обстоятельствъ выяснившихся на судебномъ слѣдствіи, онъ указалъ на рядъ мелкихъ фактовъ, которые могли на столько мгновенно раздражить Урдаля, что онъ въ порывѣ гнѣва нанесъ первый ударъ, а такъ какъ кровь опьянѣваетъ, и чаша была уже налита то надо было выпить ее до дна. Первый ударъ нанесенъ былъ Урдалемъ, когда старикъ по возвращеніи домой, пожаловавшись мировому, снова началъ ругаться и драться съ семьею и выгонять изъ дому Урдаля, который пріютился у Мурса, потому что не имѣлъ паспорта. Что остается дѣлать Маріи въ тотъ моментъ, когда она видитъ, что мужъ ея убитъ человѣкомъ, который заступился за нее и человѣкомъ, который въ глазахъ ея не преступникъ, а человѣкъ добрый, котораго она уважала?—конечно прежде всего скрыть слѣды преступленія. Затѣмъ, относясь сомнительно къ оговору Урдаля, защитникъ указалъ на причину этого оговора, онъ сказалъ: «прежде отвѣтственности передъ закономъ, въ преступникѣ раждается отвѣтственность передъ своею совѣстью, которая его терзаетъ; онъ тотчасъ желаетъ отыскать основаніе, чтобы взвалить на что нибудь свою вину, якоря, для успокоенія своей совѣсти. Всякій преступникъ сваливаетъ свою вину или на не образованіе свое, на крайне бѣдственное положеніе, и т. д. Такимъ основаніемъ, такимъ якоремъ для Урдаля въ данномъ случаѣ была Марія: отдавая себѣ первый отчетъ въ совершонномъ преступленіи, въ головѣ его тотчасъ блеснула мысль, что не будь Маріи, онъ не былъ бы поставленъ въ положеніе убійцы; онъ такъ свыкся съ этой идеей, что, передумавъ много довольно времени, онъ и теперь готовъ присягнуть въ справедливости своего оговора. Спросите у любаго мужика, что заставило его сдѣлать то или другое преступленіе. Вы услышите заурядъ одинъ отвѣтъ: «діаволъ попуталъ», но этотъ діаволъ есть злая воля въ преступникѣ и этимъ діаволомъ въ воображеніи Урдаля явилась Марія. Зіяющія раны старика Яка Мурса краснорѣчиво говорятъ, что преступленіе совершено мощною рукою мужчины, а не слабою рукою старухи». Послѣднее слово, которое прибавилъ къ своей защитѣ Урдаль, было: «меня подучили, я прежде не убивалъ ни барана, ни курицы». На 9 предложенныхъ вопросовъ, присяжные засѣдатели вынесли слѣдующіе отвѣты: «Урдаль признанъ виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ, Марія Мурса въ укрывательствѣ преступленія, а Миккель Мурса въ недонесеніи объ немъ, причемъ всѣ трое признаны заслуживающими снисхожденія и приговорены: Юрія Урдаля и Марію Мурса, по лишенію всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на 8 лѣтъ, Урдаля въ крѣпостяхъ, а Марію Мурса на заводахъ, по прекращеніи же сихъ работъ, за истеченіемъ срока, или же по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда, а Миккеля Мурса заключить въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ безъ ограниченія правъ и преимуществъ. Дѣвочка Анна была оправдана. Тяжело было видѣть прощаніе несчастной матери съ дочерью, которая, выслушавъ обвинительный вердиктъ присяжныхъ, бросилась съ плачемъ на грудь матери. Публика приняла живое участіе въ освобожденной Аннѣ; окруженная толпою, со слезами на глазахъ, она не знала какъ благодарить за тѣ деньги, которыя сыпались ей со всѣхъ сторонъ изъ трудовыхъ рукъ честныхъ мужичковъ. Въ настоящее время дѣвочка эта помѣщена въ дѣтскомъ пріютѣ.

Обратимся къ убійству капитана Баркера на великобританскомъ бригѣ «Робертъ-Мери», погаромъ этого брига Вильямомъ Чиль. Дѣло было слѣдующимъ образомъ: капитанъ брига Баркеръ, человѣкъ съ жестокимъ характеромъ, не взлюбилъ молодаго матроса и повара Чиля, онъ всячески придирался къ нему, налагалъ на него самыя низкія корабельныя работы, подчивалъ его не разъ, при встрѣчѣ съ нимъ, пеньками, и, наконецъ, однажды, своими незаслуженными побоями, вывелъ пылкаго юношу изъ терпѣнія, и, въ порывѣ гнѣва, Чиль схватилъ дубовый аншпугъ (рычагъ въ видѣ огромной тяжелой дубины) и ударилъ имъ по головѣ Баркера, отчего послѣдній вскорѣ умеръ. Чиль, не признавая за собою вины, не отвергалъ факта. Данными для судебнаго слѣдствія по настоящему дѣлу были прочтенныя показанія англійскихъ матросовъ, давно уѣхавшихъ въ море, и собственный чистосердечный, безъискуственный разсказъ молодаго подсудимаго, возбудившаго общее сочувствіе. Какъ англичанинъ, понимая высокое значеніе суда, въ каждомъ своемъ отвѣтѣ (на англійскомъ языкѣ) онъ показывалъ глубокое уваженіе къ мѣсту, въ которомъ онъ находился. Нельзя пройдти молчаніемъ рѣчи К. К. Арсеньева, которая тронула все общество. Разобравъ характеры и отношенія между убитымъ Баркеромъ и Чилемъ, защитникъ изложилъ ясно и популярно теорію крайней обороны, и, находя въ данномъ случаѣ всѣ необходимыя моменты для признанія законности этой обороны, просилъ присяжныхъ оправдать подсудимаго, примѣняя къ нему настоящую теорію. На случай непризнанія присяжными существованія крайней обороны, защитникъ отвергалъ всякое преступное намѣреніе подсудимаго, и счелъ нужнымъ указать на то, что ударъ былъ нанесенъ во время брани и во взаимной дракѣ. Затѣмъ защитникъ коснулся личности подсудимаго; очертя въ ее тѣми свѣтлыми красками, которыя выяснились при судебномъ слѣдствіи, г. Арсеньевъ указалъ, на то, какъ высоко цѣнится морская честь моряковъ, которые считаютъ себя первыми людьми, и какъ тяжело было моряку Чилю долго переносить тѣ оскорбленія, которыми не заслуженно награждалъ его грозный Баркеръ. Въ заключеніе, защитникъ указалъ на то горькое положеніе въ продолженіи семи мѣсяцевъ въ русской тюрьмѣ, какое испытывалъ англичанинъ Чиль, не зная ни слова по русски, оторванный отъ своей дорогой родины. Какъ бы ни былъ снисходителенъ обвинительный приговоръ надъ Чилемъ, онъ продлитъ худшее для него наказаніе, лишивъ его на долго возможности видѣть дорогіе берега отечества.» Присяжные произнесли оправдательный приговоръ. Освобожденный изъ подъ стражи англичанинъ былъ въ восторгѣ, и наивно восхищался нашимъ русскимъ судомъ, прибавляя «что въ Англіи меня бы непремѣнно повѣсили». Въ числѣ публики были многіе изъ англійскаго консульства, и, какъ говорятъ, корреспондентъ газеты «Times».

Послѣднее—дѣтоубійство, интересно лишь по экспертизѣ: докторъ, давшій заключеніе, при предварительномъ слѣдствіи о томъ, что рожденный младенецъ по всѣмъ признакамъ былъ живъ, на судебномъ слѣдствіи показалъ, что онъ отказывается подтвердить свое первоначальное заключеніе, во-первыхъ, потому, что признаки жизни младенца, указанные имъ, опровергнуты врачебнымъ отдѣленіемъ, и, во-вторыхъ,—потому, что давая первоначальную экспертизу, докторъ сознался, что былъ самъ не здоровъ и не могъ стоять даже на ногахъ (?). Удивительнымъ представляется то, какъ шатко у насъ строится обвиненіе, имѣя опору въ подобныхъ экспертизахъ. Обвиняемая въ дѣтоубійствѣ крестьянка Пейръ признана виновною въ сокрытіи мертворожденнаго младенца и приговорена къ шестинедѣльному аресту при полиціи.

Вотъ все-то, что наиболѣе интереснаго представлялъ выѣздъ суда въ Кронштадтъ.

Еще забыли мы упомянуть объ одномъ курьезномъ случаѣ: одинъ подсудимый, оправданный присяжными по обвиненію его въ кражѣ со взломомъ въ 4 часа дня, уже въ 7 часовъ вечера въ тотъ же день былъ арестованъ снова, за новую кражу со взломомъ, совершонную вѣроятно подъ впечатлѣніемъ своего оправданія.

6 декабря судъ, съ нѣкоторымъ, рискомъ и съ большими затрудненіями переправился черезъ проливъ до Ораніенбаума, такъ какъ все пространство воды было покрыто сплошнымъ льдомъ: пароходъ, раскачиваемый пассажирами мало по малу прорѣзывалъ ледъ; путешествіе длилось однако не болѣе часа. Нельзя, въ заключеніе, не поблагодарить кронштадтское общество за теплое сочувствіе къ судебному дѣлу и гг. присяжныхъ повѣренныхъ, взявшихъ на себя безмездно защиту подсудимыхъ, которая далеко не пропала даромъ.

Въ ярославскомъ окружномъ судѣ.

По дѣлу Мониной (двоебрачіе и присвоеніе чужаго имени).

Предсѣдатель К. К. Поппе, члены суда: С. П. Шлыковъ и Н. А. Гладковъ; обвинялъ товарищъ прокурора Д. Ѳ Красильниковъ; защищалъ: окончившій курсъ студентъ демидовскаго лицея П. В. Овчинниковъ.

Подсудимой Мониной съ виду лѣтъ 40, хотя по дѣлу значится что ей 33 года; лицо худое, желтое, невыразительное, ротъ перекошенъ, говоритъ тихимъ, невнятнымъ, пискливымъ голосомъ; росту довольно высокаго.

По повѣркѣ списка свидѣтелей оказалось, что одна изъ свидѣтельницъ, Сапожникова, не явилась, за неполученіемъ повѣстки. Стороны не находятъ препятствія приступить къ разсмотрѣнію дѣла. Списокъ присяжныхъ, по пополненіи онаго запасными, заключалъ 27 лицъ.—Прокуроръ отказался отъ отвода, защитникъ отвелъ 7 лицъ.

Присутствіе присяжныхъ засѣдателей составилось изъ одного чиновника, шести купцовъ, одного мѣщанина, четырехъ крестьянъ. Старшиною избранъ чиновникъ *Е. И. Синогодскій*.

Обвинительный актъ, составленный товарищемъ прокурора Д. Ѳ. Красильниковымъ и утвержденный московскою судебною палатою, слѣдующій:

Даниловская мѣщанка Прасковья Иванова Сапожникова, 31 іюля 1869 года объявила приставу 2 части г. Ярославля, что жена отставного унтеръ-офицера Ивана Николаева Монина, называющая себя Марьею Васильевою, есть крестьянская жена даниловскаго уѣзда, Лукерья Данилова, которая, убѣжавъ отъ мужа, назвалась даниловскою мѣщанкой Марьей Васильевой Зубовой, подъ именемъ которой и вышла замужъ за отставнаго унтеръ-офицера Ивана Николаева Монина. Отставной унтеръ-офицеръ И. Н. Монинъ показалъ, что жена его, выходя занего замужъ въ 1864 г. имѣла у себя паспортъ, выданный изъ ярославской городской думы, на имя ярослав-